

А. П. Купайгородская

Борис Львович Розинг Письма из ссылки (1931—1933 гг.)

Имя Бориса Львовича Розинга хорошо известно читающей публике, особенно специалистам-физикам, оно значится в словарях и справочниках, описанию его научной и изобретательской деятельности посвящены отдельные статьи и брошюры.¹ В Архангельске, где Борис Львович умер и похоронен, о нем напоминают мемориальные доски и надгробие на кладбище. Однако о последних годах жизни выдающегося ученого, создателя системы электронного телевидения, периоде, трагически оборвавшем напряженную, успешную деятельность изобретателя и педагога, почти не осведомлена широкая общественность.

Жизнь Б. Л. Розинга резко делится на две неравные части. Он родился в апреле 1869 г. в семье потомственного дворянина Льва Николаевича Розинга, исправно служившего на ответственных постах в правительственном аппарате. Однако главное, что он передал сыну, — не чиновничья исполнительность, а любовь к технике, математике, всяческому изобретательству. Выйдя на пенсию в 1879 г. в чине действительного статского советника, Л. Н. Розинг отдался этой страсти целиком. В его домашней мастерской получил будущий создатель системы электронного телевидения первые уроки теории и практики познания физических процессов. В 1887 г. Борис окончил с золотой медалью Введенскую гимназию, а через четыре года — физико-

Б. Л. Розинг.

математический факультет С.-Петербургского университета и как один из лучших студентов был оставлен на кафедре физики для подготовки к профессорскому званию. В 1893 г. Борис Львович получил степень кандидата за новаторские исследования в области магнетизма и начал преподавать в Петербургском технологическом институте, затем — в Константиновском артиллерийском училище, где ему были созданы прекрасные условия и для научной работы. Однажды он привел в свою лабораторию дочь Лидию, и она вспоминала впоследствии: «Физический кабинет представлял собой целую анфиладу комнат с отдельным входом, полный приборов на больших столах. Административной училища отпускаясь значительные средства на

пополнение, и папа мог выписывать из-за границы все, что считал необходимым».² В этом отлично налаженном хозяйстве, писала Лидия, Б. Л. Розинг был «полным хозяином». С 1905 г. Б. Л. работает также в Женском Политехническом институте.

Чрезвычайно занятый преподавательской работой (что объяснялось не в последнюю очередь причинами материального свойства), Борис Львович упорно продолжает изучение явлений магнетизма и докладывает о результатах на авторитетных научных съездах, публикует статьи в России и за рубежом. Постепенно его все больше привлекает проблема передачи изображения на расстояние — он называл это электрической телескопией. Он полагал, что реализация этого феномена имеет не только научно-техническое значение, но чрезвычайно важна, как он писал, для «сферы нашей личной и общественной жизни».³ В этой оценке отразилась глубина эрудиции Розинга, специалиста-физика, имевшего широкий гуманитарный кругозор. Поданные им заявки на изобретение оригинальной системы передачи изображения на расстояние были оформлены патентами в Великобритании (1908 г.), Германии (1909 г.), и только в 1910 г. в России. 9 мая 1911 г. Розинг в лаборатории Петербургского технологического института с помощью созданных им приборов осуществил передачу изображения на расстояние, к чему в течение многих лет стремились его коллеги за рубежом. Это событие имело большой резонанс в научном мире. В дальнейшем работы в области электронного телевидения были в центре внимания Розинга, хотя он продолжал уделять много времени преподаванию не только в вузах родного города, но и в основанном с его участием Северокавказском политехническом институте (в Краснодаре), а также публикациям научных и научно-популярных работ, неоднократно издававшихся в 20-х гг. В последние годы вольной жизни Б. Л. был экспертом по вопросам телевидения в Комитете по делам изобретений. Вести столь напряженную исследовательскую, изобретательскую, преподавательскую и публикаторскую работу, особенно в тяжелых условиях военного времени, Борис Львовичу помогали не только глубокий интерес к своей

науке, но и с гимназических лет присущая ему целеустремленность, умение распределить время, создать рабочую обстановку.

Б. Л. Розинг был хорошо известен в научном мире у себя в стране и за рубежом как всесторонне образованный ученый и талантливый изобретатель, совершивший прорыв в новую, только зарождавшуюся область техники. Политические бури, современником которых он был, не вовлекли его в свой водоворот; Б. Л., имея, несомненно, свое неколебимое мировоззрение, основанное на уважении к человеческой личности, бесценные минуты жизни тратил на избранную науку, общение с учениками, родными и близкими. Но политическая система не оставила его незамеченным — поводов для этого было достаточно, начиная с происхождения. Укажем также на знакомство с историком С. Ф. Платоновым — семьи двух ученых много лет были в дружеских отношениях. В конце 20-х годов их встречи были редкими, случайными, но знаменитое «академическое дело» 1929 г., где академик Платонов был главным обвиняемым, выявило даже и очень давние связующие нити. «Дело академиков» было одним из звеньев консолидации политической системы, оно стояло в одном ряду с процессами «Промпартии» и «Трудовой крестьянской партии» на фоне всеобщей насильственной коллективизации. Б. Л. Розинг, далекий не только от политических организаций (действительных и выдуманных), но и от всякого словесного политиканства, был обвинен в содействии нелегальной кассе бывших служащих Константиновского училища — так была квалифицирована денежная помощь, оказанная им одному из бедствующих прежних коллег.

Борис Львович был арестован 8 февраля 1931 г. На допросах следователь выяснял его мнение о советской действительности, в частности о коллективизации. Вскоре последовал приговор — три года поселения на севере; уже в мае Б. Л. был выслан в район Котласа. В его домашний кабинет сразу же вселились посторонние люди. Кончилась полная трудов, забот и лишений, но свободная жизнь ученого, педагога, изобретателя — он был обречен на тяжкую, унизительную изоляцию от успешно проводимой работы.

круга коллег и учеников, родных и близких. Связующим звеном оставалась переписка и редкие приезды жены и дочерей. Именно письма Бориса Львовича родственникам и воспоминания старшей дочери Лидии служат источником сведений о последнем периоде его жизни.

В ссылке Б. Л. должен был самостоятельно найти работу и жилье — ими стали лесопильный завод в Лименде и рабочий барак. Лидия вспоминала: «<...> началась папина трудная одинокая жизнь. Казалось бы, ничего особенно тяжелого в ней не было, жил он на полной свободе, ограниченной только пребыванием в назначенном городе, должен был только в определенные сроки отмечаться. Конечно, были плохие бытовые условия, но не это было главным, а невозможность продолжать научную работу, отсутствие лабораторий, нужных книг, всего того, что для него составляло смысл жизни. Оставалось одно — писать, подводить итоги сделанному, составлять планы будущей работы. И за это папа взялся немедленно, а также старался найти возможность приложить свои силы к тому, в чем он мог быть полезен. Это он начал делать со свойственной ему целеустремленностью и энергией. Начались бесконечные поручения маме и нам прислать ему то то, то другое, начатые статьи, корректуры. <...> Его письма <...> рисуют яркую картину его активности; он не падал духом, а старался как мог выйти из создавшегося нелепого положения».⁴ Нелегкие испытания выпали на долю всей семьи ученого. Жена, Александра Васильевна, вела хозяйство и помогала дочерям — у одной был маленький ребенок, другая ожидала его вскоре. Теперь же надо было не только обеспечить свое существование, но и регулярно помогать Борису Львовичу материально: выполняя тяжелую физическую работу, он зачастую не имел средств даже на элементарное пропитание.

Привыкнув с малых лет к любому делу, за которое брался, относиться максимально ответственно, Б. Л. выполнял его предельно добросовестно. Именно так он работал на лесопилке, простым рабочим. Но с первых дней ссылки обдумывал способы вернуться к главному делу своей жизни, тем более, что оно звало его неотступно: уже в

июне ему были переданы: корректура статьи для журнала «Вестник электротехники», письмо из редакции, авторское свидетельство на изобретение. Б. Л. активно искал способа приложения своих интеллектуальных возможностей: намеревался принять участие в расчетных работах по планировке Котласа, договаривался о чтении лекций, ведении кружков и преподавании в школе фабзавуча при заводе.

Все это было, конечно, невероятно далеко от его действительного потенциала, но, по крайней мере, связано с ним. Он пытается обдумывать начатые работы — особенно притягивает его мысли перспектива создания электронного читающего прибора для слепых. Еще будучи на свободе, Б. Л. получил первые обнадеживающие результаты. Этой проблемой весьма заинтересовалось общество слепых, уже в ссылке Б. Л. вел с ним по этому поводу переписку. К сожалению, для настоящей работы не было самого необходимого: «Я <...> чувствую отсутствие книг, журналов, и вообще оторванность от умственного и вообще цивилизованного мира, кроме моих специальных интересов, которые ношу в голове».⁵ В сентябре Б. Л. начал читать рабочим в Лименде лекции по физике, а инженерам и техникам в Котласе — по высшей математике. Добираться туда из Лименды не всегда удавалось: «Вчера, например, я должен был вернуться, не дойдя до Котласа из-за грязи. Галоши не помогают, так как тонут в грязи».⁶ Вскоре удалось снять комнату в Котласе, и Б. Л. планирует зарабатывать на жизнь преподаванием, чтением лекций. Но это не все: «Остальное будет состоять в научной работе, писании статей».⁷ Наверное, правильнее было бы сказать не «остальное», а «главное», ибо именно в творчестве состояло действительное призвание ученого. Он задумывает написать книгу по технологии дерева — предмете, с которым успел детально ознакомиться на практике и изучил досконально по привычке истинного исследователя. Сказалось также тяготение к изложению доступным образом сложных вещей для широкого любознательного читателя — здесь у Б. Л. был большой и успешный опыт. Одновременно не оставляют мысли о науке, которой отдана жизнь, и не только о ней: «<...> было бы интересно знать, что делается и сде-

лано за эти 8 месяцев и по физике, и вообще в мире. Мысленно я очень часто переносюсь в Эрмитаж, который очень люблю».⁸

Борис Львович пытается даже в убогих условиях своего существования (комната на двоих в деревенском доме, в многолюдной шумной семье) творить не только на бумаге — родственники непрерывно получают просьбы присылать и привозить наряду с корректурами и переводами статей всевозможные электрические приборы, инструменты и приспособления, вплоть до выключателей, розеток и изоляционной ленты — ничего этого не было в Котласе. Удаление от привычной среды и изнурительный быт не подавляют любознательности ссыльного — он очень интересуется новым окружением, его внимание привлекают обстановка, характеры, лексика, он любит природу Севера, но при этом всякую возможность использует для продолжения своего основного дела. Б. Л. не терял даром ни минуты — еще живя в бараке, в Лименде, писал и редактировал специальные статьи для журнала «Вестник электротехники», «Вестник знания» и других, составил план работы и проект усовершенствования читающей машины для слепых, написал обзор своих изобретений.

В декабре 1931 г. Б. Л. получает предписание выехать на новое место ссылки — в Архангельск. По-видимому, такому решению содействовала Елена Дмитриевна Стасова, которая была в дальнем родстве с женой Б. Л. Архангельск мог дать гораздо больше возможностей для интеллектуальной деятельности, научной и преподавательской работы. Однако Бориса Львовича пугал сам переезд, необходимость устраиваться на новом, незнакомом месте. Он писал домой: «Впереди передо мной был мрак неизвестности, как говорят плохие поэты. <...> Меня <...> пугала какая-то нервная слабость, неуверенность в себе, которой я все время страдаю на почве малокровия».⁹ Трудностей действительно оказалось много, Б. Л. даже сожалел о привычной жизни в Котласе, но пути назад не было. Очень плохо было с жильем — как о большой удаче писал он, что получил койку в гостинице, в комнате на 14 человек. Ситуация представлялась безнадежной: «<...> мой приезд

сюда внес полное расстройство в мою жизнь, и я не знаю, когда я войду в колею».¹⁰ Но опять единственная отрада — мысли о продолжении работы. Главная тема в письмах — корректуры статей, их переводы и пересылка в заграничные журналы и публикации. Вскоре удалось перебраться на частную квартиру. Эта перемена не была радостной: «<...> я <...> живу в углу у пьяного, грубого мужика, и не знаю, что со мною, а также со всеми мне подобными будет завтра. <...> Как здесь грязно и как здесь грязно живут! Но эта грязь не так страшна, как моральная грязь, которой здесь довольно много».¹¹

Отправляясь в Архангельск, Борис Львович надеялся получить разрешение работать в физической лаборатории Лесотехнического института, и это ему удалось. Это означало улучшение общего положения и, особенно, морального состояния: «<...> Что самое важное для меня, я, вероятно, буду иметь возможность засесть за работу в лаборатории, что, как ты знаешь, составляет мою стихию».¹² Воодушевленный перспективой реального возврата к научной работе, Б. Л., несмотря на тяжелый быт, плохое питание и прогрессирующие болезни, преисполнен творческих планов: он не только стремится использовать лабораторию, как он писал, «для себя лично» (что означало, конечно, продолжение работ в области электронного телевидения), но планирует исследования по профилю института, в частности, по применению электричества в лесной промышленности. Уже в первый месяц пребывания в Архангельске две статьи на эту тему были написаны и сданы в местные издательства.

Ссыльного радовали также обычные приметы городской жизни, от которой он полгода был совершенно оторван: научная библиотека, два театра, кино, трамвай «с вагонами, не уступающими столичным», электрическое освещение, «хорошие деревянные тротуары» и даже «ресторан для иностранцев, куда имеют доступ и местные жители».¹³ Далеко от прежних привычек было жилье: некоторое время Б. Л. занимал две комнаты вместе с пятью другими квартирантами, затем пришлось перебраться на койку в кухне двухкомнатной квартиры. По-видимому, в свете про-

профессиональных трудов этот убогий быт не казался ужасным: «В остальном... мои дела очень хороши». ¹⁴ Б. Л. доволен тем, что жизнь обрела размеренный ритм, сходный с тем, что сложился за многие годы работы в столичных институтах: с утра до 4-х часов — работа в физической лаборатории Лесотехнического института, затем до позднего вечера — занятия в библиотеке. И так каждый день. ¹⁵ Этот систематический труд давал силы выносить и забывать пережитые и переживаемые лишения и унижения, нищенское существование под надзором, вдали от родных и коллег. Особенно радовали новые публикации: «Самое главное, что я считаю своей большой победой: моя статья „Обобщенная теория электромагнитного поля и излучение диполя“ напечатана в 11—12 номере „Вестника электротехники“». ¹⁶ Появились и другие публикации, и примечательно, что редакция журнала «Электричество» то ли по неведению, то ли по другой причине упрекнула автора в том, что он не упомянул о создании и применении фотоэлементов советскими учеными. Б. Л. возмущался: «<...> точно они не знают, что советские патенты о фотоэлементах почти не обнародуются. Приходится писать только о заграничных патентах. Кроме того, я целый год не читал литературы не по моей вине». ¹⁷

Возможность вновь заниматься в лаборатории и научной библиотеке приободрила Бориса Львовича, он вспоминает об оставленных дома рукописях, дает домашним поручения позаботиться о них, мечтает переработать и переиздать прежние публикации — ведь час освобождения пусть медленно, но близился! А пока что он, живя на чужой кухне, пишет новые статьи не только для отечественных — центральных и местных — изданий, но и зарубежных журналов, продолжает разработку прибора для ориентировки слепых. Налажена связь с местным отделением общества слепых, его члены работу одобрили. И это имело не только научное или практическое значение. Б. Л. очень тяготился своей материальной необеспеченностью, необходимостью получать от родных продукты и деньги (и то и другое было у них самих далеко не в избытке). Гонорары за опубликованные статьи поступали нерегулярно. Теперь же он на-

деялся не только полностью содержать себя, но и помочь родным, хотя бы отчасти вернуть себе статус кормильца семьи, отдаление от которой все более угнетало.

Все письма к жене и дочерям пронизаны тоской по дому, вопросами о крошечных внуках — одну из них он никогда не видел, она родилась уже после его высылки. Стремлением чаще видаться с родными объясняются планы нового переезда — в Вологду, потому что она ближе к дому, хотя «<...> Вологда гораздо менее интеллигентна, чем Архангельск. Зато ваша близость все покрывает». Отрыв от семьи становился невыносимым, он не возмещался новыми человеческими связями: «<...> Тяжелее всего то, что я все время один и один. <...>». ¹⁸ Надо сказать, что Б. Л., любивший общество своих многочисленных родственников и друзей, более всего стремился к сосредоточенному размышлению, он не расставался с записной книжкой даже во время многолюдных праздничных встреч. Его чрезвычайно разнообразные контакты так или иначе были связаны или с семьей или с профессиональными интересами. По свидетельству дочери Лидии, Б. Л. любил оставаться в городе летом, потому что «<...> в пустой, тихой квартире и такой же опустевшей лаборатории он мог спокойно работать; летом он работал наиболее плодотворно, когда его никто и ничего не отвлекало, одиночества он не замечал, а когда чувствовал потребность в отдыхе, ехал на несколько дней к семье на дачу». ¹⁹ Но то было на свободе! Теперь же чувство одиночества усугублялось плохим самочувствием, и наоборот. В августе специалист, консультировавший Б. Л. по направлению общества слепых, диагностировал у него атеросклероз мозговых сосудов, хотя и не нашел непосредственной опасности. Поднимали дух вести от коллег — ученый получил приглашение от Энергетического комитета на съезд деятелей промышленности слабого тока и заручился согласием местных властей отпустить его на несколько дней в Москву. И особенно порадовал приезд дочери Тани.

Новая перемена жилья, вначале вселившая надежду на более удобное и спокойное существование, надежд этих не оправдала — немолодой и очень нездоровый человек, нуждавшийся в покое, уединении и хотя бы в минимуме ком-

форта, не получил в итоге ни того, ни другого. Но письма к родным полны все новыми и новыми планами творческой работы: он с нетерпением ждет окончания каникул, чтобы в лаборатории института вместе с ее заведующим П. П. Покотило сконструировать катодный осциллограф для записи кардиограмм. Энергетический комитет утверждает оба посланные ему Борисом Львовичем доклада. «Но самое главное — это то, что <...> в заседании президиума будет возбуждено ходатайство о моем личном участии в съезде. <...>».²⁰ В конце сентября он пишет о завершении работы над докладами «Излучение энергии антеннами с точки зрения обобщенной термодинамики» и «Незатухающие колебания в фотоэлементах и их технические применения». Это были главные проблемы, которые он обдумывал в ссылке. Письмо с этим сообщением кончается, однако, на тревожной ноте: «За все очень благодарен (Александре Васильевне. — А. К.), а больше всего за желание приехать <...> я без нее пропадаю. Это я говорю вполне серьезно. Доктор <...> тоже советует ей ко мне заглянуть».²¹

В конце октября отца навестила Лидия, оставив бабушке маленькую дочку. Ее поразило, как сильно постарел отец за эти неполные два года, и «отсутствие у него нескольких зубов».²² Она смогла пробыть в Архангельске всего несколько дней — надо было возвращаться к работе и ребенку. Письмо, посланное отцом в Ленинград после ее отъезда, невесело, да и есть от чего: «<...> нет-нет да и сбиваюсь в словах и буквах, хотя и раньше язык у меня не совсем слушался».²³ Но и в этом бедственном состоянии главное, что занимает, — мысли о новых работах, радость при известиях о новых публикациях, печаль — оттого что трудно дается доклад о фотоэлементах, «<...> так как сижу совершенно без литературы и журналов».²⁴

В декабре в Архангельск смогла ненадолго приехать жена, Александра Васильевна, и Б. Л., постоянно считавший себя в долгу перед родными, писал ей вскоре: «Я не знаю, как благодарить тебя за все то, что ты сделала для меня». После ее кратковременного визита Б. Л. прибодрился, прибавилось и веры в будущее: «Хотя <...> дела

мои складываются печально, но я — неисправимый оптимист и надеюсь на лучшие дни».²⁵

Дела действительно были скверные: съезд, на который ученый возлагал большие надежды не только в профессиональных интересах, но и рассчитывая встретиться с родными и коллегам, с тем миром, от которого был насильственно оторван, был отменен. Испортились отношения с квартирными хозяйками, быт стал невыносимым. И по-прежнему нет средств на жизнь. Всемирно известный ученый благодарит родственников за посылку 300 рублей — «<...> хотя боюсь остаться перед вами неоплатным должником».²⁶ Но, как и всегда, именно работа воодушевляет: «<...> в эти дни я получил чрезвычайно хорошие результаты с читающей машинкой (для слепых. — А. К.), что поднимает мой дух и надежду на ближайшее будущее».²⁷ Борис Львович не сдавался, духом он был стоек, но организм не выдерживал всех испытаний — материальных, моральных, сотен одиноких дней и ночей — кто знает, как он пережил их, какие тревоги, опасения, страхи, сожаления терзали его, какое невероятное умственное напряжение испытывал он, пытаясь продолжать научную работу, оторванный и от специальной литературы, и от своих рукописей и записных книжек, отобранных при аресте, — ведь только малую часть своих мучений разделил он с родными, считая себя перед ними в неоплатном долгу.

Оставался год до окончания ссылки. Были пройдены две трети скорбного пути. Но ресурсы когда-то здорового, выносливого организма были исчерпаны. Конец надвигался неотвратно — все чаще проявлялись симптомы стойких нарушений мозгового кровообращения. Но срочной, действенной, регулярной медицинской помощи не было. После серьезного приступа с нарушениями речи была телеграммой вызвана Александра Васильевна. Ей суждено было вскоре проводить Бориса Львовича в последний путь. Семья выбивалась из сил — голодно было и в Архангельске, и в Ленинграде, дочери разрывались между работой и маленькими детьми, продавали что могли, чтобы помочь родителям. Неожиданное облегчение принесла очередная перемена квартиры — на этот раз действительно благоден-

тельная: хозяйка была добрейшая женщина, самоотверженно помогавшая Розингам как самым близким людям. В состоянии больного периодически наступали небольшие улучшения, вселявшие надежду. Но резкое ухудшение с параличом левой стороны, осложнениями 20 апреля 1933 г. оборвало его жизнь. Через несколько дней Борису Львовичу исполнилось бы 64 года.

- ¹ *Горохов П. К.* Борис Львович Розинг. Основоположник электронного телевидения. М.; Л., 1959; *он же.* Б. Л. Розинг — основоположник электронного телевидения. М., 1964; *Блинов В. И., Урвалов В. А.* Б. Л. Розинг. Книга для учащихся. М., 1991.
- ² Воспоминания Лидии Борисовны Твелькмейер (Розинг). Рукопись. Семейный архив. С. 89.
- ³ *Розинг Б. Л.* Электрическая телескопия (видение на расстоянии). Ближайшие задачи и достижения. Пг., 1923.
- ⁴ Воспоминания Лидии Борисовны Твелькмейер. С. 172—173.
- ⁵ Письмо Б. Л. Розинга дочери Лидии. 24 августа 1931. Семейный архив.
- ⁶ Письмо Б. Л. Розинга дочери Татьяне. 17 сентября 1931. // Там же.
- ⁷ Письмо Татьяне. 14 октября 1931 г. // Там же.
- ⁸ Письмо Лидии. 16 октября 1931 г. // Там же.
- ⁹ Письмо Б. Л. Розинга жене Александре Васильевне. 15 декабря 1931 г. // Там же.
- ¹⁰ Письмо Лидии 21 декабря 1931 г. // Там же.
- ¹¹ Письмо Александре Васильевне. 1 января 1932 г. // Там же.
- ¹² Письмо Татьяне. 28 января 1932 г. // Там же.
- ¹³ Письмо Лидии. 28 января 1932 г. // Там же.
- ¹⁴ Письмо Александре Васильевне. 1 марта 1932 г. // Там же.
- ¹⁵ Письмо Александре Васильевне. 5 марта 1932 г. // Там же.
- ¹⁶ Письмо Александре Васильевне. 1 марта 1932 г. // Там же.
- ¹⁷ Письмо Александре Васильевне. 27 марта 1932 г. // Там же.
- ¹⁸ Письмо Александре Васильевне. 27 июня 1932 г. // Там же.
- ¹⁹ Воспоминания Лидии Борисовны Твелькмейер. С. 53.
- ²⁰ Письмо Александре Васильевне. 15 сентября 1932 г. // Семейный архив.
- ²¹ Письмо Татьяне. 24—26 сентября 1931 г. // Там же.
- ²² Воспоминания Л. Б. Твелькмейер. С. 192.
- ²³ Письмо Александре Васильевне. 4 ноября 1932 г. // Семейный архив.
- ²⁴ Письмо Татьяне. 28 ноября 1932 г. // Там же.
- ²⁵ Письмо Александре Васильевне. 23 декабря 1932 г. // Там же.
- ²⁶ Письмо Александре Васильевне. 12 января 1933 г. // Там же.
- ²⁷ Там же.

Публикуемые ниже фрагменты писем Бориса Львовича Розинга семье наглядно свидетельствуют о его упорных стараниях сохранить свою работоспособность, остаться в русле напряженной научной деятельности, несмотря на совершенно неблагоприятные условия существования. Письма адресованы жене Александре Васильевне (Асе), дочерям — Лидии и Татьяне. В письмах упоминаются: Виктор — муж Лидии, Тамара — дочь А. В. и Б. Л. Розингов, умершая подростком, П. П. Покотило — профессор Архангельского лесотехнического института.

25 июня 1931.

Милая Ася!

<...> Я сегодня повидался с главным инженером завода и рассказал ему о моем неподходящем времяпрепровождении. Изложив ему мою прошлую деятельность, я кстати показал ему то, что ты мне привезла из дому, полученное за время моего отсутствия, т. е.: 1) корректуру моей статьи в «Вестнике электротехники», 2) письмо из редакции, касающееся моей статьи об успехах СССР в области передачи изображений и 3) выданный мне патент в апреле этого года <...> главный инженер достаточно учел обстоятельства моей работы здесь и обещал перебросить меня на дело, соответствующее моей специальности, например, на исследовательскую работу, измерительскую работу с электрическими приборами или на организацию изобретательского бюро при заводе. <...> Теперь несколько поручений из бесчисленного ряда тех, которыми мне придется докучать тебе. <...> Будь добра, добудь две мои рукописи: 1) «Новейшие достижения в области теории и практики фотоэлементов». <...> Вторая рукопись <...> — изложение моей статьи, помещенной в «Zeitschrift für technische Physik». Я прошу также прислать мне незамедлительно в двух экземплярах следующие книги: 1) «Теплота. Лекции по физике для всех», 2-е издание. 2) «Общедоступ-

ные лекции по физике. Теплота в природе и жилище». 3) «Механика в жизни». 4) «Физика для всех. Учение о свете», 2-е издание. 5) «На заре положительного знания (Галилей, Гюйгенс, Ньютон)». 6) «Электрические и магнитные измерения в элементарном изложении». Я хочу представить эти книги в здешнее Районо и Рабпрос вместе с моим предложением моих услуг. <...> Я прошу тебя [узнать], как оформить просьбу мою об отказе моем от моих патентов, за которые я не могу платить, выдать мне вместо них авторские свидетельства. <...> Спроси <...> поместят ли мою большую статью в «Вестнике электротехники». <...> Я ее уже начал. Найди в моем бюваре и пришли мне: «Обобщенная теория диполя». <...>

15 июля 1931.

Милая Ася!

<...> Ты пишешь, что нашла мою статью об общей теории электромагнитного поля диполя. <...> Я вообще и счет потерял этим статьям на русском, немецком и французском языках. <...> Пришли мне заказной бандеролью немецкую статью, написанную для «Annalen der Physik», напечатанную на машинке. <...> по ней я могу написать маленькую статью для «Вестника знания» и по ней же я напишу реферат для «Вестника электротехники» на немецком языке. Дело в том, что я не верю английским рефератам, которые делаются самой редакцией «Вестника», и напишу реферат сам. <...> У меня к тебе два важных поручения: 1) мне необходимо получить квитанцию о том, что мне уплачен гонорар за мою статью в «Вестнике электротехники» <...> а также квитанцию об уплате 25% сбора с гонорара. <...> Это мне нужно как доказательство того, что я реально выполняю научную работу, состоя административным [ссылным]. И 2) поторопись прислать отписки моих научных статей (в том числе немецкой), а также нескольких отписков

моей напечатанной статьи в «Вестнике электротехники». Это нужно для той же цели.

19 июля 1931.

Милая Ася!

<...> Не забудь прислать отписки статей. <...> Был у инспектора народного образования и описал условия, в которых должен жить. Он обещал привлечь меня к кружковой работе в котласских учебных заведениях. <...>

25 июля 1931.

[В местное отделение милиции.]

Я обращаюсь к вам с просьбой разрешить мне проживание на частной квартире. Я принужден просить Вас об этом по следующей причине. Моя специальность — научно-техническая работа. <...> Я работал в течение 38 лет в этой области в различных ВТУЗах и научно-исследовательских институтах. Последняя моя должность была старшего инженера Научного отдела Центральной лаборатории проводной связи, когда я был арестован 9 февраля с. г. и выслан на 3 года в Севкрай, где и работаю по настоящее время. Однако, независимо от того, что эта работа — сезонная, она совершенно не соответствует моей специальности. Я желал бы работать по моему прямому делу. <...> Является возможность продолжать здесь опыт с читающей машинкой для слепых, над которой я работал в последнее время. <...> Я мог бы предложить Технической части Реввоенсовета разработку нового способа светоэлектрического телеграфирования, на который мною получено авторское свидетельство. <...> К сожалению, жизнь в бараке, в общей камере совершенно лишает меня возможности вести вышеуказанную как научную, так и экспериментальную работу. *Административно-высланный Борис Львович Розинг.*

2 июля 1931.

Милая Ася!

<...> Могу сообщить, что я переехал в отдельную комнату в том же бараке. <...> Самое главное, что меня освобождают от физического труда, и я буду иметь возможность посвятить себя научной работе. <...> Посылаю тебе исправленную корректуру [для] Revue générale. Поправок очень мало, так что пошли ее простой бандеролью по адресу: Paris (VIIIe), Place Laborde, 12. Revue générale de l'électricité. Rédaction.

Любящий Б.Р.

9 августа 1931.

Милая Лидочка!

Спасибо тебе за оба твои последние письма. Твое и Виктора указание, что я у Вас всегда найду помощь, как нечто само собою разумеющееся, меня очень тронуло. Я это чувствую и вижу на деле. <...> Спасибо вам. Но я сам хочу побороться. <...> В Ленинграде мои друзья, несмотря на опалу, помогли мне сохранить мое научное положение, я это помогло мне выдвинуться и здесь. Я теперь могу и здесь заниматься наукой. <...>

17 сентября 1931.

Милая Танюша!

<...> Что касается моей службы, то я ее переменял и постепенно перехожу в свою прежнюю сферу деятельности. Послезавтра я начинаю лекции по физике для рабочих, а вчера я ездил в Котлас читать первую лекцию по высшей математике <...> так как этот предмет я хорошо изучил и люблю, то лекцией остался доволен. Собралось человек 20 инженеров и техников завода. <...> Вместе с этой переменной работы прекратилось мое дежурство по 7—8 часов на свежем воздухе. <...>

14 октября 1931.

Милая Танюша!

Отвечаю на твои вопросы о моем житье здесь. <...> Очень трудно было найти квартиру в Котласе, трудно было переехать, и еще труднее закрепиться здесь. Все три этапа теперь пройдены и сейчас мы сидим с моим сожителем Всеволодом Михайловичем Лобанцовым (бывшим присяжным поверенным) в нашей комнате у керосиновой лампы. <...> Теперь <...> я свои занятия переношу в Котлас. В Лименде у меня остаются не больше 4 лекций в шестидневку на рабочих курсах. Взамен этого я надеюсь получить лекции в рабочем клубе в Котласе и еще что-нибудь. Остальное будет состоять в научной работе, писании статей. Думаю начать небольшую книжку по технологии дерева. <...> В Котласе остаются еще у меня лекции по высшей математике. <...> Целую крепко вас всех. <...>

Твой папа.

16 октября 1931.

Милая Лидочка!

Теперь моя жизнь вошла в колею, и за восемь месяцев я впервые чувствую твердую почву под ногами. У меня в руках удостоверение на свободное проживание в Котласе и его ближайших окрестностях. <...> У меня справка, что я состою сотрудником Стройуправления <...> где я читаю лекции по высшей математике для инженеров и техников в г. Котласе и для рабочих в затоне Лименда, почему я не принадлежу выселению из занимаемого мною помещения, имею расчетную книжку, продуктовый листок для Котласа и Лименды и даже карточку для бани Госречпароходства, в которой могу мыться 10, 20 и 30 числа каждого месяца. Последнее, между прочим, здесь очень важно ввиду плохой санитарии в городе. <...> (У хозяев квартиры. — А. К.) <...> много живет или при-

езжает родственников, так что все население достигает 11—12 человек. Днем почти все уходят. <...> Это мне очень удобно, т. к. я в это время по большей части пишу. Как и в Петербурге, время после утреннего чая для меня самое продуктивное. <...> Ты спрашивала меня, получаю ли я журналы. До сих пор кроме 12 номеров «Вестника знания» я еще не получил ни одного. Хотя у меня очень много и своей работы, но было бы интересно знать, что делается и сделано за эти 8 месяцев и по физике, и вообще в мире. <...>

Без даты.

Милая Ася!

Как я уже писал, моя жизнь начинает входить в норму. <...> Можно будет прислать книги, инструменты, наушники, проволоку и проч. Впрочем, наушники и метров 10 проволоки мне хотелось бы получить пораньше вместе с прибором для слепых. <...> Разослала ли ты отписки моей последней статьи? Мне это очень важно.

27 октября 1931.

Милая Ася!

<...> Хотя я еще не имею читающей машинки, но подготавливаю обстановку для опытов. Я пишу сегодня ВОС (Всероссийскому обществу слепых), где прошу их, если они не могут теперь же устроить меня в другом месте, написать сюда и просить: 1) закрепить за мной комнату и 2) соединить меня с городской (электрической. — А. К.) сетью (провода проходят <...> мимо наших окон). Тебя же прошу, если прибор (электрический глаз. — А. К.) еще не послан, послать его и кроме того послать: 1) кинофонарь от читающей машинки с двумя лампочками, 2) трансформатор к нему же <...>, 3) какой-нибудь выключатель, 4) несколько кусков шнура, 5) розетку и штеп-

сель, 6) монтерские инструменты (отвертки, клещи, изолирующую ленту и проч. <...> Сегодня пишу <...> в Комитет по изобретательству: я получил от них запрос относительно полученных мною патентов.

7 ноября 1931.

Милая Лидочка!

<...> Передай маме, что я прошу ее послать еще 3 отписка моей статьи о фотоэлементах в Москву: 1) Всероссийскому обществу слепых. <...> 2) Центральный институт труда инвалидов. <...> 3) Штаб РККА. <...> Я получил из последнего места довольно благоприятный отзыв о моем изобретении. Затем я прошу отыскать еще два или три из патентов. <...> Пришлите чернил, пожалуйста, здесь нет.

13 ноября 1931.

Милая Ася!

<...> Я кончаю две статьи. Одну посылаю в Москву, другую — в «Вестник знания». <...> Я приступаю к опытам с тем прибором, который ты привезла. <...> Пришлите чистой бумаги. <...> Сообщи, пожалуйста, мой адрес в Котласе секретарю редакции «Вестника электротехники» и передай просьбу прислать корректуру.

23 ноября 1931.

Милая Лидочка!

<...> Я нахожусь в переписке с одним важным учреждением в Москве по поводу моего изобретения. Между тем я не могу защищать свое предложение и развивать дальше его и вообще делать действительно полезное дело, будучи лишен библиотек и материалов, в особенности замечательной библиотеки журналов, находящейся в Комитете по делам изобретений. <...> Я живу по-прежнему. Почти все время сижу

дома за делом. Только раз в 5 дней хожу за хлебом в Лименду. <...> Попроси маму прислать: <...> 15 отписок статьи из «Вестника по изобретательству» <...> большие конверты. Узнайте, напечатана ли в *Revue générale de l'électricité* моя статья и когда напечатают мою статью в «Вестнике электротехники»? <...> Я послал статью о фотоэлементах в «Вестник знания». Спросите, пожалуйста, по телефону в редакции у Якова Исидоровича Перельмана, получена ли статья.

3 декабря 1931.

Милая Ася!

<...> Несмотря на невозможные жилищные условия и житье в бараке без всяких удобств и пособий, я сделал несколько теоретических работ, а именно: 1) редактировал свои статьи в «Вестнике электротехники»: а) «Еще по вопросу о сопротивлении излучения» и б) «Обобщенная теория диполя и его лучеиспускания». 2) Закончил и напечатал в «Вестнике по изобретательству» статью «Позднейшие достижения в области теории и практики фотоэлементов и фотосопротивлений». 4) Составил план экспериментальной работы и проект усовершенствованной модели читающей машины (отослан во Всероссийское общество слепых). 5) Составил две статьи о своих изобретениях для Техштаба РККА. <...> Я собираюсь прочесть здесь лекцию (в рабочем клубе) «Наука в помощь слепым» и показать ориентировочный прибор для слепых, который ты мне привезла.

7 декабря 1931.

Милая Ася!

Совершенно неожиданно я получил из Архангельска предписание сняться с якоря и приехать к 14-му числу. <...> Я задумываюсь над тем, что я буду делать в Архангельске. Я мечтаю о том, что там мне да-

дут педагогическую работу в Лесотехническом институте, который там недавно основан. Я могу взяться за эту работу, так как я познакомился с этим делом здесь практически и теоретически. <...>

15 декабря 1931.

Милая Ася!

Я выехал 11-го в Архангельск. <...> Впереди был мрак неизвестности. <...> Меня пугали спутники главным образом отсутствием помещений в Архангельске. Меня же лично пугала кроме этого какая-то нервная слабость, неуверенность в себе, которой я все время страдаю на почве малокровия. <...> Второе, что меня пугало здесь, — страшная дороговизна коммерческих обедов и цен. <...> Что касается, наконец, самого дела, ради которого я приехал, или, лучше сказать, меня «приехали» сюда, я боюсь сказать что-либо определенное. <...> Получается впечатление, как будто в этом деле никто особенно не заинтересован, кроме, конечно, меня. <...>

18 декабря 1931.

Милая Ася!

Дело мое в том же положении, т. е. без движения. Не знаю, останусь ли здесь или придется ехать назад, т. к. без определенных занятий и без прикрепительных листков здесь не проживешь. На вольном рынке цены в два раза больше, чем в Котласе. <...> Вчера <...> выяснилось, что административно высланные профессора получают здесь лекции только при одном условии, от которого я чувствую моральную тошноту почти целый день и хочу вырваться отсюда как можно скорее. Неужели это всем предлагают? <...> Может быть, если не удастся достать деньги, то пришлешь посылочку, но не из вещей, которые нужно варить, т. к. примус я не употребляю между прочим из-за недостатка керосина. <...>

21 декабря 1931.

Милая Лидочка!

Я, к сожалению, до сих пор не могу устроиться. Комнат здесь совсем нет, и я живу в общежитии гостиницы: 14 человек в одной комнате. Но у меня все-таки есть койка, около которой и расположены все мои вещи. <...> В последнем письме я писал маме об одном деле, но вскользь. Пишу теперь более определенно. Дело идет о продаже моих приборов, оставшихся в лаборатории. Там у меня осталось на 3—4 тысячи рублей. Если удастся продать наполовину, то и это меня снимет с вашего бюджета. <...>

1 января 1932.

Милая Ася!

<...> Я переехал на частную квартиру. <...> Проф. Покотило, у которого в лаборатории я буду работать, поехал в Ленинград. <...> Я хотел бы, чтобы он захватил с собою мои инструменты: штангенциркуль, пилы, отвертки, напильники и пр. <...>

28 января 1932.

Милая Лидочка!

<...> Проф. Покотило представил меня директору Лесотехнического института и, если не будет препятствий, я получу разрешение работать в физической лаборатории для себя лично, а также возможно, что мне будет поручена исследовательская работа для Института (по древесине). Последнее даст мне положение здесь и вознаграждение. Тем временем за этот месяц я написал две статейки по вопросу о применении электричества в лесной промышленности для газеты «Правда Севера» и для журнала «Хозяйство Севера». <...>

6 февраля 1932.

Милая Ася!

<...> Покотило очень любезный человек. Просил директора дать мне научную работу. Институт обратился относительно меня за разрешением. Так как это чисто научная работа, то, может быть, мне и разрешат. Вместе с тем я был в здешнем отделении ВОС. Председатель собеса, в состав которого входит ВОС, поехал в Москву и там выяснит мое дело. До сих пор я нахожусь в неопределенном положении, не имею хлебной карточки и пр. <...> Оттиски старых статей не присылай. Пришли, однако, новые, если они напечатаны. Наконец, пришли мне то резюме на немецком языке, которое нужно послать редакциям иностранных журналов. <...>

13 февраля 1932.

Милая Ася!

<...> Я посылаю тебе копию письма ВОС, полученного здешним отделением. Из него ты увидишь, что ВОС продолжает интересоваться моей работой и обещает помощь как материальную, так и в других отношениях. <...> Может быть, ты поговоришь по телефону с Ленинградским отделением ВОС, сообщишь им содержание полученного мною письма. <...> Если захотят, то [они] могут сговориться с Москвой. Можешь им сказать, что удовлетворение моего ходатайства важно для них в том отношении, что у меня получается большая свобода в работе. Теперь же я чувствую себя связанным, так как книги и приборы находятся как раз там, куда доступ мне воспрещен. Получив известную свободу, я мог бы сам поехать за приборами и справками и привезти все, что мне нужно. Во всяком случае, то, что они мне написали, очень для меня важно. Через них я теперь могу достать и комнату и помощь во всех отношениях. Будут и деньги за мою работу. <...> Из других новостей

мне сообщили, что в последнем номере 5 (журнала. — А. К.) «Успехи физических наук» помещена статья немецкого физика Ланге о фотоэлементах, где упоминается и о моих последних работах. <...>

17 апреля 1932.

Милая Лидочка!

<...> Сейчас я заканчиваю четвертую по счету статью о фотоэлементах для «Электричества» по заказу из Москвы. К сожалению, до сих пор не получил никакого гонорара за мои статьи, и ничего мне не отвечают, несмотря на мои напоминания. <...> В прошлом году я получил из выписанных тобой журналов только некоторые из номеров. <...> Теперь ты не трудись выписывать. С одной стороны, много номеров не дошли до меня, а с другой — я могу читать журналы в Научной библиотеке здесь и в Лесотехническом институте <...>

28 апреля 1932.

Милая Ася!

<...> Я уже установил свои опыты с фотоэлементами в Институте и получил хорошие результаты. Дома же я заканчиваю теоретическую статью о фотоэлементах по заказу из Москвы и после 1-го Мая пошлю. Относительно моих остальных статей я прошу тебя о следующем. В моих бумагах осталась моя рукопись «Новые диалоги Галилея» (о двух системах мира), которой я очень дорожу, так как она посвящена памяти Тамарочки. С нею связана вся моя научная работа последних 15-ти лет. Прибери ее как следует. Второй экземпляр этой рукописи находится в лаборатории. Позаботься, пожалуйста, также и о ней. Затем я все подумываю о 3-ем издании моей книжки «Учение о свете и об оптических инструментах». <...> Вернувшись, я постараюсь перевести ее на немецкий язык. <...>

7 мая 1932.

Милая Ася!

<...> Пожалуйста, выясни, почему не присылают деньги ни из одной редакции? По моим расчетам, я должен получить в общем за статьи до 300 р. Возможно, если не напоминать, то деньги могут затеряться, за неизвестностью адресата. <...>

11 мая 1932.

Милая Ася!

Перевод на 130 р., который ты мне послала по телеграфу, я не получил. <...> Я боюсь, что он утерян. <...> Я послал тебе срочную телеграмму с просьбой послать мне несколько денег до востребования, так как у меня осталось только 20 р. <...> Хорошо было бы еще получить гонорар за статьи. Между прочим, я еще не послал немецкий перевод моей статьи, помещенной в «Вестнике электротехники» № 11—12. Не знаю только, в какой журнал послать этот перевод. Нельзя ли будет спросить мнения по этому поводу у ленинградских физиков, знающих хорошо заграничные редакции, например, одного из тех (журналов. — А. К.), которые намечались для дискуссии по поводу моей статьи. <...>

26 мая 1932.

Милая Ася!

<...> На днях я послал еще одну статью в журнал «Электричество» под названием «Новое о механизме света и фотоэлектричестве». Затем, в конце мая, будет напечатана моя статейка в здешнем журнале «Хозяйство Севера». Название статьи: «Электротехника на распутии». <...>

6 июня 1932.

Милая Лидочка!

<...> 1-го июня Институт закрывается на два месяца каникул. Как я устроюсь с научной работой, не

знаю. Начал писать для журнала «Электричество» все, что я разработал по теории магнетизма за 40 лет. В мае этого года исполнилось ровно 40 лет, как я сделал свой первый доклад в Русском Физико-химическом обществе. С тех пор я неизменно шел по тому же пути, и теперь я свою теорию заканчиваю. Что касается моих опытов для слепых, то я построил новую машинку для них, независимо от той, что осталась в Ленинграде. На днях я демонстрирую ее им. В Институте я уже демонстрировал ее. <...> Я чувствую, что становлюсь более крепко на ноги, и, может быть, буду иметь силы зарабатывать по-прежнему. Во всяком случае репутация моя в научном отношении безусловно значительно выше, чем раньше, и имя мое все чаще и чаще упоминается не только в научных журналах, но и в газетах. <...>

9 июня 1932.

Милая Ася!

Спасибо за 200 р., которые я сегодня получил <...> Мои финансы улучшились. На днях получу гонорар за небольшую статью в «Хозяйстве Севера», но, главное, я получаю теперь от Института хлебную карточку на 600 гр. в день. Это очень большая поддержка. Вместе с тем я обедаю в столовой (щи и каша), так что в случае нужды могу существовать на паек. <...> Прости, пожалуйста за эту мазню, которую представляет это письмо. Перо, чернила. Но, кроме того, я немного нездоров. <...>

11 июня 1932.

Милая Ася!

Посылаю тебе запрос в издательство Ambrosius Barth о гонораре, и, кроме того, в редакцию Zeitschrift für technische Physik предложение, не напечатать ли они немецкий перевод моей статьи. <...> Может быть, они и напечатают, ведь они меня знают. <...>

21 июня 1932.

Милая Ася!

<...> Вчера у меня был удачный день. <...> Несмотря на то, что из Москвы от ВОС денег до сих пор не присылают, я закончил разработку ориентировочного прибора для слепых. <...> Вчера у меня были три слепых, члены местного правления ВОС. Я им все показал. Они поняли устройство и употребление прибора и сами даже предложили, с точки зрения слепых, свои усовершенствования <...>

14 июля 1932.

Милая Ася!

<...> Сегодня я был у председателя здешнего ВОС, <...> [он] предлагает составить смету моих расходов на работу, за целый год. Говорит, что говорил обо мне в Москве и что меня там многие знают в техническом мире и дают хорошие отзывы. <...>

23 июля 1932.

Милая Лидочка!

<...> Я не писал так долго, потому что был болен переутомлением. Доктор запретил мне работать совершенно две недели. Я это письмо пишу в несколько приемов. Но вы не пугайтесь. Я, конечно, как всегда, скоро поправлюсь. Теперь я вхожу в норму, а несколько дней я натыкался на людей, мне говорили: вы ходите как пьяный. <...>

13 сентября 1932.

Милая Ася!

<...> Я думаю дожждаться приезда Покотило и приступить к экспериментальной работе. <...> Я думаю построить для института <...> мой катодный осциллограф для записи звуков, преимущественно сердечных биений (кардиограмм). Это очень важно и

для здешних больниц. Этот прибор уже мною давно разработан, и я с ним уже проделал ряд опытов.

18 октября 1932.

Милая Ася!

<...> В руках у меня чек в 200 р. от ВОС за мою работу. Но последние суммы почти мертвые. Банк выдает деньги в минимальном количестве. Все бедствуют. Завтра пойду в очередь в 5 час. утра. Может быть, тогда получу.

29 ноября 1932.

Милая Ася!

<...> Приезжай и посмотри, как я живу. Я чувствую, что я как-то ослабел за это время. <...> Ты не суди по письмам. Для письма как-то само собой это делается — выбираешь лучшие минуты. Я всю жизнь провел с пером в руке, и, уже взяв перо, невольно делаешься совсем другим. <...> Теперь выяснилось, что меньше года мне не придется здесь провести. <...> Временами я чувствую себя плохо. <...> Временами — вполне нормально. <...>

6 января 1933.

Милая Лидочка!

<...> Ясно, что <...> в научном отношении нелепо, что уже два года я пропадаю почти без дела, когда у меня еще много сил. <...>

22 марта 1933.

Милая Лидочка!

<...> Мое времяпрепровождение сейчас сводится к прогулкам, еде, небольшому количеству работы, что, впрочем, и требуется от такого инвалида. <...> Я надеюсь, однако, скоро освободиться от опеки доктора и стать вольным гражданином. <...>

Это было последнее сохранившееся в архиве семьи письмо Бориса Львовича Розинга. Он освободился очень скоро — не только от докторов и административного надзора, но и от всех тягот, боли, потерь своей нелегкой судьбы.